

ЕВГЕНИЙ РОЗЕНБЛАТ

Винница Г.Р. Холокост на оккупированной территории Восточной Беларуси в 1941–1944 годах. – Минск: Ковчег, 2011. – 362 с.

В 1990-е годы и в первом десятилетии XXI в. – после продолжительного периода замалчивания – тема трагедии белорусских евреев стала активно разрабатываться и на сегодняшний день заняла заметное место в современной постсоветской историографии

истории Второй мировой войны, что позволяет обсуждать основные тенденции в изучении этой проблемы.

Появление книги Г. Винницы «Холокост на оккупированной территории Восточной Беларуси в 1941–1944 годах» было вполне прогнозируемо. Во-первых, потому что после появления научных работ, посвященных истории отдельных гетто, теме Холокоста в западных областях Беларуси, попыток углубленного исследования истории минского гетто¹ неизбежно должен был быть подготовлен труд о

¹ См. напр.: *Купрэва Г.* Мінскае гета: схавааная прауда // *Беларуская мінушчына.* – 1993. – №№ 2–4; *Розенблат Е.С.* Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения западных областей Беларуси (1941–1944 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 2000; *Корсак А.І.* Генацід яўрэйскага насельніцтва на

судьбе евреев восточных областей Беларуси. Тем более, что появившиеся первые обобщающие работы по теме Холокоста в Беларуси не вполне отвечают уровню и требованиям современной исторической науки, т. к. написаны скорее в публицистическом, научно-популярном жанре. Они скорее описывают историю Холокоста в Беларуси, нежели анализируют ее². А во-вторых, появление данной книги – закономерный итог многолетней работы автора. Геннадий Винница начинал свой путь исследователя темы Холокоста в Беларуси, продолжил его в Израиле, но публикует свои работы в Минске.

Отметим, что Г.Р. Винница поднял значительный пласт информации и сумел показать различные аспекты темы Холокоста на примере Восточной Беларуси. Монография «Холокост на оккупированной территории Восточной Беларуси в 1941–1944 годах» включает введение, четыре главы, заключение, библиографию и 3 приложения.

В первой главе «Историография и опубликованные источники» автор анализирует историографию по теме исследования и дает характеристику опубликованным источникам.

Во второй главе «Система гетто и еврейское руководство» рассматривается процесс геттоизации на оккупированных территориях Восточной Беларуси и дается характеристика созданным юденратам.

В третьей главе «Положение еврейского населения после оккупации территории Восточной Беларуси» автор дает характеристику условиям содержания в гетто, системе принудительного труда, созданной оккупантами, формам сопротивления еврейского населения и участию евреев в подпольном и партизанском движении, а также взаимодействию еврейского и нееврейского населения Восточной Беларуси.

тэрыторыі Віцебскай вобласці. 1941–1943 гг.: Дыс. ... канд. гіст. навук. – Мінск, 2008; *Тукала С.М.* Генацід і барацьба яўрэяў у Мінскім гета у гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 года): дыс. ... канд. гіст. навук. – Мінск, 2008; *Винница Г.Р.* Нацистская политика геноцида еврейского населения в восточной и центральной частях Беларуси в 1941 – 1944 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Минск, 2008.

² См. работы: *Иоффе Э.Г.* Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк. – Минск, 1996; *Иоффе Э.Г.* Белорусские евреи. Трагедия и героизм. 1941–1945. – Минск, 2003; *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев Белоруссии. 1941–1944 гг. – Тель-Авив, 2000.

В четвертой главе «Политика оккупационных властей в отношении еврейского населения Восточной Беларуси» анализируются вопросы нацистской пропаганды (которую автор рассматривает как часть дискриминационной политики оккупационных властей), дискриминационные ограничения и запреты для еврейского населения – ограничения прав личности, регистрация и идентификация, этапы карательно-репрессивной политики оккупантов в отношении еврейского населения, а именно: конфискация еврейского имущества, насильственные действия в отношении евреев, акции устрашения. В этой же главе автор рассматривает вопросы, связанные с уничтожением еврейского населения Восточной Беларуси (участие в уничтожении евреев оперативных групп СД, частей СС, вермахта, белорусской полиции, а также «полицейских формирований из других регионов СССР», т. е. латышских, литовских, русских, украинских и эстонских коллаборационистов, принимавших участие «в расстрелах восточнобелорусских евреев в годы оккупации») (с. 183) и предлагает свои подсчеты и методологию по определению потерь еврейского населения Восточной Беларуси.

В «Заключении» даны общие выводы по теме исследования.

В приложении А «История гетто в отдельных населенных пунктах Восточной Беларуси» освещается трагедия еврейских общин Бобруйска, Витебска, Гомеля, Дубровно, Копыля, Кормы, Лепеля, Могилева, Мозыря, Осиповичей, Орши, Оршанского района, Полоцка, Россон, Сенно, Слуцка, Толочина, Шклова.

В приложении Б приводится список гетто, а в приложении В – места уничтожения еврейского населения Восточной Беларуси.

Отметим, что в книге присутствует сравнительный анализ ситуации в восточных областях, включенных в состав рейхскомиссариатов «Остланд», «Украина» и зону тыла группы армий «Центр», собран и систематизирован обширный материал о сроках создания и существования гетто, типах гетто в восточных областях, разнообразии вариантов визуального выделения еврейского населения с помощью знаков, обязательных для ношения (повязки, звезды, латы), создании и составе юденратов. В исследовании рассмотрены вопросы о различных формах сопротивления еврейского населения нацистской политике, затрагивается проблема еврейской и нееврейской коллаборации, обозначены

еврейско-белорусские взаимоотношения, приводятся данные о потерях еврейского населения Восточной Беларуси.

Сосредоточим внимание на основной части книги, в которой отражены главные результаты проведенного исследования (с. 9–198). Первая глава традиционно посвящена историографии рассматриваемой темы. В этой части книги дается некий общий обзор советской, белорусской и зарубежной историографии, но материал изложен схематично и, если позволительно будет так определить, нерационально. Автор слепо следует хронологическому принципу в историографическом обзоре, что приводит к эклектическому освещению вопроса: перемешаны между собой монографии, полностью посвященные теме Холокоста и только частично затрагивающие эту тему, научно-популярные издания (прежде всего книги изданной в Беларуси историко-документальной серии «Память»), справочные и библиографические издания, сборники научных статей, сборники материалов конференций и т. д. Между тем, всю рассматриваемую литературу можно было бы сгруппировать по определенным критериям (например, тематически), выделив в каждой группе самые значительные исследования, и дать оценку степени изученности того или иного аспекта темы Холокоста на современном этапе. В книге предприняты попытки сгруппировать часть литературы, но авторская систематизация вызывает вопросы. Например, Г. Винница разделил издания историко-документальной серии «Память» (кстати, непонятно, почему автор обозначил, что это издание появилось «в последние 12 лет», если указывает книги, изданные в 1997, 1995, 1994 и даже в 1985 г.) на 3 группы. К первой отнесены книги «Память», в которых содержится «исчерпывающая информация о проведении нацистами антиеврейской политики» (с. 22). К сожалению, автор не объяснил, на чем основана столь высокая оценка 30 изданий серии, перечисленных в этой группе. Вызывает удивление, например, то, что автор отнес к изданиям, содержащим «исчерпывающую информацию о проведении нацистами антиеврейской политики», книгу «Память» Копыльского района, где информация о Копыльском гетто помещается всего на одной странице текста и сводится к указанию даты ликвидации гетто и численности узников, погибших во время акции (с. 206). Гораздо более ценным, с точки зрения историографического обзора, была бы

характеристика материалов, размещенных в книгах «Память», чем их перечисление (список изданий можно было указать в сносках). Вообще, вызывает некоторое недоумение то, что автор отнес книги «Память» к разделу «Историография». С нашей точки зрения, их содержание было бы правильнее разделить между разделами «Историография» и «Источники», учитывая имеющиеся в историко-документальных хрониках авторские статьи и опубликованные документы. С делением научных изданий зарубежной историографии на 4 группы, предложенным Г. Винницей, можно было согласиться, если бы не одно обстоятельство: каждая из трех первых групп представлена только одним изданием. Между тем, практически все публикации, названные автором ранее, могли быть отнесены к одной из этих групп. Далее. Вряд ли было столь необходимо в обзор зарубежной историографии по теме работы включать упоминание об «отрицателях Холокоста» (с. 28). Наконец, автор, видимо, не совсем четко представляет разницу между историографией и источниками. Давая характеристику мемуарной литературе, Г. Винница пишет: «...Мемуарная литература, являясь источниковой базой проблематики, очень важна для исследовательской работы» (с. 43). Между тем, памятные книги еврейских общин – «Сэфер зикарон» – автор рассматривает в разделе 1.3 «Освещение проблематики в зарубежной историографии». Если, как пишет Г. Винница, «для западной историографии характерно широкое привлечение к исследованиям воспоминаний и литературы мемуарного плана, называемых обычно нарративными материалами» (с. 36), то непонятно, почему он не рассматривает «памятные книги» как источник? Ещё более хаотичным получился раздел, посвященный опубликованным документам и материалам. Здесь вперемешку (но в строгом хронологическом порядке!) названы зарубежные, советские и современные белорусские издания по теме Холокоста. Только в редких случаях Г. Винница отмечает, что упомянутые сборники документов и материалов содержат источники по истории Холокоста в восточных областях Беларуси. В связи с этим возникает вопрос, следует ли считать, что остальные названные издания не включают материалы по Восточной Беларуси? Остается совершенно непонятным, почему именно в этом разделе (раздел 1.4 «Опубликованные документы и материалы») автор посвятил целый абзац работе В. Хитерер «Документы еврей-

ской истории XVI–XX веков в киевских архивах» (с. 39–40). В данном исследовании не опубликовано ни одного документа не только по теме Холокоста, но и по еврейской истории вообще. Заслуга В. Хитерер состоит в том, что она ориентирует исследователей в составе фондов киевских архивов, показывая ассортимент комплексов архивных материалов и давая их краткую характеристику. Логичным и необходимым продолжением этой части книги Г. Винницы должен был стать раздел, посвященный характеристике неопубликованных источников, использованных в работе. К сожалению, автор не посчитал нужным показать состав и оценить содержание материалов, взятых из фондов архивов России, Беларуси, Израиля и Германии, сноски на которые даются в книге. Еще большее сожаление вызывает тот факт, что израильский исследователь, не оправдывая вполне понятных ожиданий, практически не ссылается на фонды архива Мемориального института «Яд Вашем» (как и еще один израильский исследователь Л. Смиловицкий в своей работе «Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941–1944» (Тель-Авив, 2000. – 432 с.)).

Во второй главе автор очень подробно рассматривает процесс «геттоизации», предлагая следующие определения «гетто»: «Фактически заключение в гетто становилось этапом, предшествовавшим тотальному истреблению людей. В этом смысле гетто можно квалифицировать как временный, тщательно контролируемый сборный пункт евреев перед уничтожением, где до момента казни можно было использовать узников в качестве даровой рабочей силы» (с. 45). Далее автор подразделяет «режим принудительного содержания» на четыре типа: 1. Без изоляции в пределах населенного пункта; 2. Изоляция без перемещения с места постоянного проживания; 3. Изоляция с перемещением в отдельный район, квартал, улицу, здание, при наличии возможности, в определенное время, свободно перемещаться в пределах населенного пункта, или иначе – «открытое гетто»; 4. Изоляция с перемещением в отдельный район, квартал, улицу, здание и запрещением покидать предназначенную узникам территорию, или иначе – «закрытое» гетто (с. 48). К «местам изоляции» Г. Винница относит также трудовые лагеря и тюрьмы (с. 48). В населенных пунктах первого типа еврейское население сразу уничтожалось (с. 49).

Три остальных типа автор классифицирует как «места изоляции еврейского населения, для которых характерны: ношение знака в виде прикреплявшейся к одежде шестиконечной нашивки желтого цвета, бывшего, в некотором смысле, символом преследования евреев и получившего название “еврейская звезда” *Judenstern*; организация органов руководства общиной; привлечение к принудительному труду через образованные административные структуры; ограничение передвижения; взимание различных поборов; активная нацистская политика притеснений и откровенный фашистский террор» (с. 49–50). Судя по всему, Г. Винница приводит в этом определении основные признаки гетто. Однако на с. 50 автор указывает, что «местами изоляции еврейского населения, называемыми гетто, являются два последних из указанных типов». Далее автор пишет об «открытом» и «закрытом» гетто, но почему-то не включает в понятие «открытого» гетто второй тип определенного им же «режима принудительного содержания» – т. е. «изоляцию без перемещения с места постоянного проживания». Всего на территории Восточной Беларуси автор насчитал 147 гетто.

Раздел «Юденраты на территории Восточной Беларуси» (с. 63–89) – один из лучших в книге Г. Винницы. Автор приводит различные оценки деятельности юденратов, рассматривает вопросы их создания и состава, участия в регистрации еврейского населения, переселении в гетто, распределении продовольствия; участие юденратов в сборе контрибуций, организации принудительного труда, связь органов еврейского самоуправления с подпольным и партизанским движением.

В главе 3 «Положение еврейского населения после оккупации Восточной Беларуси» автор подробно рассматривает условия существования евреев в гетто. Приводится богатый фактический материал, раскрывающий «бытовые условия в местах изоляции». Но и здесь у Г. Винницы встречаются не совсем обдуманные фразы. Так, на с. 92 автор пишет: «В гетто положение евреев осложнялось отсутствием водопровода, канализации, телефонной связи, электричества...». Трудно не согласиться с Г. Винницей. Отсутствие водопровода и канализации стало настоящей бедой для узников гетто (особенно в городах), но стоит напомнить, что многие из вышеупомянутых удобств в те годы

или совсем отсутствовали (особенно в небольших населенных пунктах), либо были доступны только представителям и учреждениям оккупационной администрации (электричество, телефон).

В подразделе 3.3 «Противодействие оккупантам» автор монографии рассматривает различные формы еврейского сопротивления нацистской политике. На с. 109 он вводит термин «пассивное противодействие», как самую распространенную форму еврейского сопротивления. Г. Винница пишет: «Пассивное сопротивление включало в себя немало методов противодействия антиеврейской политике нацистов. В первую очередь оно заключалось в установлении контактов с местными жителями, добывании продовольствия и топлива, помощь сиротам, больным и престарелым узникам, а также духовное сопротивление политике этноцида».

Думается, что только духовное сопротивление можно отнести к сопротивлению как таковому. Все остальные перечисленные автором «методы противодействия антиеврейской политике нацистов» представляют собой обычные (для военного времени) способы выживания. Далее Г. Винница пишет, что «одной из наиболее массовых форм пассивного противостояния является экономическое сопротивление», в качестве которого автор рассматривает «торговые операции с местным населением по обмену вещей на продукты питания, а также попытки тайно пронести еду в гетто...» (с. 109). В этом смысле автор относит к «экономическому сопротивлению» организацию нелегальных «рынков» (с. 110), а также более «экзотические» факты. Так, на той же странице читаем: «Одним из фактов экономического сопротивления стали различные варианты приготовления пищи. Щи, например, обитатели Минского гетто варили из крапивы и картофельных очисток, в то время как узники в Слуцке приготавливали похлебку из картофельных очисток, свеклы и отрубей. В Лепеле евреи выпекали лепешки из перемолотых картофельных очисток». Или: «Противостояние проявлялось и тогда, когда лишённые электричества узники гетто освещали свои жилища копилками, самодельными свечами или карбидом» (с. 110). Вряд ли можно согласиться с подобной точкой зрения автора, подкреплённой такими примерами.

Достаточно подробно Г. Винница рассмотрел активные формы сопротивления еврейского населения политике геноцида и участие евреев в антифашистской борьбе на примерах Минского, Могилевского, Слуцкого и других гетто (с. 113–123). К сожалению, в монографии нет обобщенных данных (хотя бы приблизительных) о количестве евреев-партизан на территории Восточной Беларуси. Подобная статистика, безусловно, стала бы еще одним ценным результатом проведенного исследования.

Последний раздел главы третьей (3.4) посвящен взаимоотношениям еврейского и нееврейского населения. Учитывая «позицию и поведение в отношении евреев», Г. Винница выделяет четыре группы нееврейского населения: преследователи, пособники преследователей, наблюдатели (пассивные и сочувствующие), спасители. К первой и второй группам он относит тех, кто участвовал каким-либо образом в антиеврейских мероприятиях. К третьей группе – основную массу нееврейского населения Восточной Беларуси. К четвертой группе – людей, которые, рискуя своей жизнью и жизнью своих близких, спасали евреев (с. 124).

Во вторую группу, как пишет автор, «...входят люди, наблюдавшие геноцид со стороны. Выделим две подгруппы: пассивные и сочувствующие. Пассивным наблюдателям характерна полная бездеятельность. В то время как сочувствующие наблюдатели все-таки оказывали евреям какую-либо помощь. Причем она была весьма разнообразной». Г. Винница выделяет четыре вида оказания помощи: 1. Предоставление продуктов питания; 2. Предоставление одежды; 3. Предоставление на короткое время жилья; 4. Оказание услуги (с. 125).

Безусловно, Г. Винница имеет право на авторскую классификацию нееврейского населения. Неясно только, почему во вторую группу («пособники преследователей», те, кто участвовал каким-либо образом в антиеврейских мероприятиях) автор включил «сочувствующих наблюдателей», оказывавших евреям «разнообразную помощь»? Может быть, это описка?

Главу четвертую «Политика оккупационных властей в отношении еврейского населения Восточной Беларуси» Г. Винница начинает с раскрытия термина «геноцид». Воля автора, но, с нашей точки зрения, сле-

лать это надо было в начале работы. Отметим кстати, что в тексте книги без всякого объяснения используется еще один термин – «этноцид» (с. 26, 109, 126, 132 и др.).

В пункте 4.1 «Дискриминация еврейского населения» автор выдвигает тезис, что «нацистская пропаганда фактически являлась первым пунктом в программе дискриминации еврейского населения» (с. 135). Обозначив основные темы (лозунги) нацистской пропаганды, Г. Винница делает неожиданный вывод, что «еще до фактической оккупации населенных пунктов делались попытки изоляции евреев путем разжигания межнациональной розни» (с. 135). Как это происходило (может, имеются в виду немецкие листовки?), автор, к сожалению, не объяснил.

В пунктах 4.2–4.3 «Этапы карательно-репрессивной политики оккупантов в отношении еврейского населения» и «Уничтожение еврейского населения Восточной Беларуси» Г. Винница очень подробно и достаточно аргументированно рассматривает весь комплекс репрессивных мер оккупационных властей в отношении еврейского населения Восточной Беларуси: конфискацию имущества, насильственные действия в отношении евреев, акции устрашения и уничтожения, проводившиеся оперативными отрядами СД, войсками СС, полицией, вермахтом, коллаборантами (с. 150–185).

Наконец, на с. 185–188 автор рассматривает вопрос о потерях еврейского населения Восточной Беларуси. Его метод подсчетов – суммарное сложение «установленных данных об уничтожении людей в отдельных населенных пунктах и районах, нашедших отражение в материалах ЧГК, немецких отчетах, а также по результатам проведенных исследований и сопоставления их с информацией о национальном составе накануне войны». На 1 января 1939 г. численность еврейского населения Восточной Беларуси составляла 375 092. Далее автор рассуждает следующим образом: «Если учитывать прирост населения к июню 1941 года, то она могла увеличиться примерно до 400 000. К названной цифре следует добавить и количество евреев-беженцев из Польши, которых на территории Восточной Беларуси насчитывалось 62 000 – 63 000. Следовательно, накануне Второй мировой войны на рассматриваемой территории проживало 462 000 – 463 000 евреев. Количество

эвакуированных и призванных в Красную Армию евреев составляет около 152 000 человек или 32,8% от общей численности» (с. 186). Число евреев, погибших в Витебской области, Г. Винница определяет в 61 тысячу, в Гомельской – 42 тысячи, в Минской – 135 тысяч, в Могилевской – 63 тысячи. Всего, по подсчетам автора, в период 1941 – 1943 гг. на оккупированной территории Восточной Беларуси было уничтожено 301 тысячу евреев (с. 188). Давайте рассмотрим достоверность некоторых слагаемых этой цифры. Во-первых, вызывает сомнение, что на оккупированной территории оставались все 63 тысячи евреев-беженцев из Польши. В 1939–1941 гг. многие из них покинули Беларусь по оргнаборам, часть была арестована. Наконец, многие сумели эвакуироваться или бежать после 22 июня 1941 г. Точных данных, к сожалению, нет, но механически записывать все 63 тысячи польских беженцев в жертвы Холокоста на территории Восточной Беларуси нет оснований. Этот вопрос нуждается в дополнительном изучении. Во-вторых, вызывает сомнение не критичный подход к основным источникам, которые использует автор, – материалам ЧГК и сведениям из историко-документальных книг «Память». Материалы ЧГК – очень специфический источник, требующий тщательной верификации. А сведения в книгах «Память» очень часто почерпнуты из тех же материалов ЧГК. В-третьих, уместно здесь же выразить недоумение (мягко говоря) по поводу использования Г. Винницей надписей на памятниках, установленных на территории Восточной Беларуси, как одного из основных источников по установлению потерь еврейского населения (с. 186). Надо ли объяснять, что надписи на памятниках, установленных в местах массовых захоронений, не являются историческими источниками, и некритическое восприятие информации, размещенной на памятниках, негативно сказывается на результатах исследования. И последнее: к сожалению, из авторского текста (с. 186–188) неясно, включает ли Г. Винница в общее число потерь евреев Минского гетто? Если включает (а это, видимо, так), тогда стоило бы отметить, что в Минском гетто погибла почти треть евреев Восточной Беларуси (на с. 53 автор указывает, что в Минском гетто находилось 100 тысяч узников, из них 80 тысяч – белорусские евреи).

Коснемся структуры книги Г. Винницы. Во второй главе автор рассматривает систему гетто и юденраты, в третьей – положение еврейского

населения в период оккупации, в четвертой – политику оккупационных властей в отношении еврейского населения Восточной Беларуси. Логичной представляется иная последовательность изложения материала. Ведь создание юденратов и гетто, а также особенности дискриминационного положения евреев – все это являлось следствием осуществления нацистской политики. И сопротивление узников гетто – тоже ответ на проводимую нацистскую политику. Неясно, почему раздел 3.2 «Принудительный труд» находится в составе главы о положении еврейского населения, а не главы о политике оккупационных властей. Парадоксально, но в заключительной части книги последовательность выводов диссонирует с избранным автором порядком изложения материала, зато не противоречит логике событий.

Проводя сравнение между восточными и западными территориями Беларуси в период Холокоста, Г. Винница делает некоторые поспешные выводы, рассматривая Западную Беларусь как единое целое. Неправомерно указывать, как это делает автор, что «в отличие от восточных областей Беларуси, где евреи расстреливались вблизи мест проживания..., в западной части республики оккупанты использовали депортацию в лагеря уничтожения» (с. 195). В то время западные белорусские области, так же как и восточные, были включены в различные зоны оккупации. В концентрационные лагеря евреев отправляли преимущественно из тех районов Западной Беларуси, которые находились в составе округа «Белосток» (провинция «Восточная Пруссия»). В остальных расстрелы евреев производились недалеко от мест проживания.

Существенным недостатком рецензируемого издания, затрудняющим работу с ним, является отсутствие библиографии: то, что в книге Г. Винницы именуется библиографическим списком, в действительности называется сносками (с. 199–262). Не лишним в научном издании является также наличие именного и географического указателей, которые в данной работе отсутствуют.

Вызывает сожаление тот факт, что книга издана в авторской редакции. Профессиональная помощь в редактировании книги и участие в подготовке к ее изданию корректора позволяют исправить стилистические и грамматические погрешности текста, привести в соответствие с

правилами пунктуацию. В случае с рецензируемой работой эта помощь была бы весьма актуальна.

Появление исследования Г. Винницы – это, конечно же, движение вперед, это еще один шаг по пути изучения проблематики Холокоста в Беларуси. Безусловно, книга Г. Винницы представляет интерес как для неискушенного читателя, так и для специалиста по истории Холокоста. Но поскольку издание аннотировано как научное и названо монографией, к нему должны предъявляться соответствующие требования. К сожалению, книга Г. Винницы по некоторым критериям не соответствует уровню монографического исследования. До сих пор на постсоветском пространстве опубликована только одна обобщающая монография о Холокосте в СССР, выполненная на достаточно высоком научном уровне³. Безусловным достижением постсоветских историков следует считать фундаментальный коллективный труд-энциклопедию «Холокост на территории СССР» под редакцией И. Альтмана (М., 2009, 2011). Региональные же исследования по-прежнему оставляют желать лучшего. Для них характерна некоторая эклектичность изложения, терминологическая путаница, отсутствие научно-справочного аппарата, непродуманные примеры. К сожалению, эти недостатки типичны для многих исследований по теме. Думается, что причина – в отсутствии академизма, неразработанности методологии подобных исследований, зачастую в непонимании или игнорировании общей проблематики истории Второй мировой войны и германской оккупации на территории СССР.

³ *Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941 – 1945 гг. – М., 2002.* (Отметим, что в 2007 г. Центр «Ткума» (Днепропетровск) и Центр «Холокост» (Москва) издали фундаментальный труд «Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945)». Однако книга принадлежит перу израильского историка д-ра Ицхака Арада, в оригинале вышла на иврите, затем на английском и лишь потом на русском языке.)